

ЭНМЕРКАР
ДОРОГИ МАГА

СТРАННИК
МЕЖМИРЬЯ

Энмеркар

Дороги Мага. Странник Межмирья

«Автор»

2026

Энмеркар

Дороги Мага. Странник Межмирья / Энмеркар — «Автор», 2026

Между смертью шумерского царя Дуду и его следующим рождением прошло почти три тысячи лет. Дуду помнит свое имя, земную жизнь и решения, последствия которых продолжают действовать после смерти. Он проходит Врата и Суд, изучает дороги Кигаля, встречает умерших, Привратников, духов, хищников и древних Мастеров. Пока рушатся царства и меняются имена богов, его странствие постепенно становится исследованием Межмирья изнутри. Земная часть переносит в Шумер XXIV века до н. э. Лугалькингенешдуду — реальный правитель Урука и Ура, сохранившийся лишь в нескольких надписях. Книга соединяет эти свидетельства с воспоминаниями автора, восстанавливая судьбу человека, чьи поступки пережили его эпоху. Главная загадка связана с Инанной. Богиня даровала Дуду царственность и сохранила свое притязание за Вратами. Почему имя забытого царя продолжает открывать дороги? Что связывает его с Инанной? И кем он станет за двадцать восемь столетий между жизнями?

© Энмеркар, 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
Предисловие	7
Пролог. Имя у Врат	8
Книга 1. Цари Шумера	11
Часть 1. Урук	11
Глава 1. Дом писцов	11
Глава 2. Эанна	18
Глава 3. Дар	26
Гла	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дороги Мага. Странник Межмирья

***

© Энмеркар, 2026
Все права защищены.

Предисловие

Серия «Дороги мага» возникла как попытка проследить историю одного потока сознания на протяжении ряда воплощений, каждое из которых принадлежит своему времени и имеет собственную личность, собственные задачи и собственный опыт. Речь идет не о памяти, переходящей из жизни в жизнь, поскольку новая личность обычно ничего не знает о предшествовавших, а о более глубокой преемственности, сохраняющей сам способ существования сознания, его сильные и слабые стороны, накопленные последствия прежних действий и те задачи, которые не удалось завершить прежде. Оттого каждая книга представляет собой самостоятельную историю, а связь между ними становится заметной постепенно, по мере того как повторяются определенные выборы и обнаруживается, что события, разделенные тысячелетиями, принадлежат одной значительно более протяженной последовательности.

Настоящая книга связана также с «Географией межмирья», где я пытался систематизировать свой опыт изучения Промежутка: его пространства и обитателей, устройство Врат и Порогов, свойства отдельных Эфиров и характер движения сознания после смерти. «География» есть прежде всего карта, а всякая карта становится понятнее, когда по ней проходит конкретный путник, и эту задачу выполняет «Странник межмирья».

Этим путником является [Лугалькингенешдуду](#), реальный правитель Древнего Шумера, живший в середине XXIV века до нашей эры. Древние надписи называют его правителем Урука, связывают с ним царственность Ура, сообщают о заключенном им «братстве» с Энметеной Лагашским и сохранили имя его сына Лугалькисальси. Эти сведения дают отдельные вехи биографии, однако расстояния между ними остаются огромными, как обычно и бывает с людьми столь далекой эпохи. Соответственно, земная часть книги представляет собой историко-мифологическую реконструкцию, в которой надписи служат опорой, а промежутки между ними заполняются личными воспоминаниями и собственным опытом автора: документы отмечают то, что мы действительно знаем, тогда как память и предание позволяют рассказать, каким человеком он был и какое место эта жизнь занимает в более длинной последовательности.

Вторая часть книги связана уже с его посмертием. Здесь повествование переходит в пространство, описанное в «Географии межмирья» и «Книге Дуата», и вслед за Дуду проходит через разные области посмертного существования, его дороги и Врата, устойчивые и изменчивые пространства, духов посмертия, хищников и элементаров. Судьба Дуду во многом чрезвычайна, и именно эта необычность позволяет рассмотреть то, что при обычном переходе происходит слишком быстро и остается почти незаметным: человек, задержавшийся в межмирье намного дольше положенного, сталкивается с его устройством полнее, чем тот, кто лишь проходит сквозь него.

Таким образом, перед нами остается та же задача, с которой начинались «Дороги мага»: проследить путь сознания настолько далеко, насколько позволяют сохранившиеся свидетельства, личный опыт и тот Миф, посредством которого этот опыт может быть связан в единую картину. На этот раз дорога начинается в городах Древнего Шумера, около четырех с половиной тысяч лет назад, а после смерти человека, имя которого сохранилось на нескольких надписях, продолжается там, где исторические источники уже ничего сказать не могут.

Пролог. Имя у Врат

«География межмирья» начиналась с вопроса о том, насколько вообще возможно систематически описывать Промежуток, если видеть в нем не произвольный набор видений, а среду с устойчивыми областями, направлениями движения, обитателями и закономерностями. В качестве исходной схемы я взял систему тридцати эфиров Ди и Келли, опираясь прежде всего на опыт Кроули, а сами исследования вел посредством скраинга через большой оправленный в серебро топаз, за которым горела свеча. Довольно скоро выяснилось, что последовательное прохождение эфиров дает значительно больше ожидаемого: одни и те же структуры возвращались при разных погружениях, обнаруживались переходы между ними, а некоторые пространства удавалось сопоставить с описаниями египетской, гностической и енохианской традиций.

И вот в ходе этих исследований возникла странность, которая поначалу казалась мне лишь технической особенностью взаимодействия с Привратниками. При попытках войти в некоторые пространства меня спрашивали об имени, и обычные мои ответы там почти ничего не значили. Имя, которым я пользуюсь ныне, было им неизвестно; имя Энмеркара, с которым к тому времени была связана значительная часть моей работы и которое, казалось бы, должно было иметь куда более древний след, также не вызывало никакой реакции. Зато стоило назвать другое имя, Дуду, и отношение менялось. Это имя знали, и обычно его было довольно, чтобы проход открылся.

Поначалу я почти не задумывался над этим. Имя Дуду было мне знакомо очень давно и входило в тот пласт воспоминаний, который начал проявляться еще в юности, задолго до исследований, составивших «Географию». Одним из самых отчетливых эпизодов тогда была смерть: храм наверху высокого священного сооружения, человек, которому я доверял и которого считал почти сыном, Меч в его руках и совершенно ясное чувство предательства, гораздо более сильное, чем страх самой смерти. Исторических подробностей этого образа я тогда не знал, однако имя Дуду и обстоятельства его гибели запомнились настолько отчетливо, что много лет спустя из этих воспоминаний выросла «Легенда о Мече Нергала».

Статья была написана семнадцать лет назад, и сейчас хорошо видно, насколько прямолинейным получился в ней сам Дуду. Я видел его человеком жестким, властным, привыкшим распоряжаться людьми и властью и легко переступавшим через чужую волю, а потому и гибель от руки любимого ученика казалась естественным завершением такой жизни. Однако воспоминание о смерти, каким бы сильным оно ни было, вряд ли удовлетворительно объясняет жизнь, которая к этой смерти привела.

Вернуться к Дуду заставила именно «География межмирья». Вопрос о том, почему его имя известно Привратникам, со временем становился все менее случайным. Энмеркар был фигурой значительной и легендарной, оставившей заметный след в мифе и в той истории, с которой связывают само происхождение письменности; Дуду же представлялся человеком нескольких надписей. Для человеческой памяти вес их несопоставим, а в Промежутке соотношение оказывалось обратным: Энмеркара могли не знать там, где имя Дуду принималось как слово, имеющее вес.

Это противоречие и стало исходной точкой книги. Мне пришлось заново собирать немногочисленные сведения о Лугалькингенешдуду, сопоставлять их с давними воспоминаниями, разбирать старую «Легенду о Мече Нергала» и постепенно восстанавливать как детали его жизни, так и то, что за нею последовало. При этом менялся и сам образ: за прежней жесткостью обнаруживалась своя логика, за властолюбием – убежденность в праве распоряжаться доверенным, а за решениями, которые легко осудить спустя четыре с половиной тысячи лет, – отношения с сыновьями, богами, городами и царственностью, гораздо менее однозначные, чем мне представлялось в юности.

При этом земная жизнь объясняла лишь часть загадки. Если прежние мои воспоминания хотя бы в основном верны, между смертью Дуду и следующим воплощением прошло почти три тысячелетия. Для обычного посмертия это чудовищно долгий срок, и трудно представить, чтобы сознание провело его в нестабильности межмирья, никак себя там не проявив и не вступив в отношения с его обитателями. Мне была известна первая точка этой истории, смерть Дуду, и странным образом сохранилась последняя, его имя, спустя тысячелетия открывающее Врата. Между ними лежал пустой промежуток длиной около двадцати восьми столетий.

Эту пустоту я и попытался исследовать: что произошло после смерти Дуду, почему обычный посмертный путь для него оказался нарушен, как ему удалось так долго сохранять себя и, главное, что он делал там все это время, если спустя тысячелетия Привратники продолжали помнить его имя. По мере того как один фрагмент связывался с другим, вопрос о том, почему Врата знают Дуду, превращался в вопрос о том, кем он стал за те столетия, когда человеческий мир успел забыть почти все, что когда-то знал о нем.

С этого вопроса и начинается «Странник межмирья».

Книга 1. Цари Шумера

Часть 1. Урук

Глава 1. Дом писцов

Глину для табличек отбирали особенно тщательно. Урук стоял среди глины, ею укрепляли берега каналов и подновляли дворы, и отец говорил, что между глиной для стен и глиной для слов разница такая же, как между человеком, несущим корзину, и человеком, знающим, куда ее нужно нести. В кирпиче камешек оставался и служил общей крепости наравне с соломой и водой; в табличке же любой камешек портил написанное. Оттого глину для дома писцов очищали от ракушек и мелкой гальки, долго мяли ногами, а после отец разламывал комок и внимательно осматривал середину, и если внутри оставалась сухая крошка, работу начинали заново.

Так Дуду с малых лет знал, что слово начинается задолго до тростниковой палочки, и что прежде всего надлежит решить, сколько этому слову предстоит жить. Для учета зерна хватало таблички в ладонь, а когда счет завершали, глину просто размачивали и пускали в дело снова; для посвящений и благословений строки рассчитывали заранее, глину сушили дольше и прятали в кладку так, чтобы ее мог прочесть и тот, кто откроет стену через много лет.

Лугаль-эзен, что означает «Господин праздника», был писцом при Эанне, доме неба посреди Урука, где служили Инанне, и Дуду помнил отца уже старым, с опухшими пальцами, плохо державшими стилус. Двое старших братьев служили при храмовом хозяйстве. Дом их стоял близ внешней стены храмового участка и был из средних: каждый месяц приходило зерно, масло поступало вовремя, шерсти хватало на одежду. Имя отца знали и в больших домах, и среди носильщиков, потому что всякий раз, как в Эанне спорили о ячмене, выданном три месяца назад, или о меже, перенесенной после разлива, спор шел уже с тем, что было нажато тростником на глине. Отец любил повторять, что царь забывает, а табличка помнит; дед однажды заметил на это, что помнит она лишь до тех пор, покуда ее не найдут. Отец обиделся, а мальчик хорошо запомнил тот спор.

Полное имя его было Лугалькингенешдуду, «Царь на своем месте», и именно так его записывали там, где требовалось назвать человека полностью. Дома, однако, длинная форма продержалась недолго. Мальчик рано научился ходить и с тех пор неохотно оставался там,

где его посадили: увязывался за братьями во двор, добирался до комнаты, где отец держал таблички, однажды дошел до самой внешней стены Эанны, прежде чем его заметили. А потому домашнее Дуду, «Идущий», хорошо подходило ребенку, который все время был в движении, и постепенно именно так стали звать его отец, братья и соседи.

Однажды, когда мальчиков впервые учили писать собственные имена, один из учеников спросил, отчего в имени Дуду стоит знак царя.

— Потому что так пишется его имя, — ответил наставник. — Царское достоинство ставят после имени, когда оно есть. У него его нет.

Наставник спросил, как звать носильщика, что возит им глину с берега. Мальчик ответил, что Лугаль-эда. Наставник велел написать это имя рядом с именем царя и посмотреть на оба, после чего вернулся к списку и велел Дуду переписать длинную строку еще раз.

Палочку с настоящим срезом ему дали лет в шесть или семь, и первые месяцы позволяли только отрабатывать клинья, ибо знак надлежало складывать из нажимов, и от силы руки зависела глубина, от угла ширина, от поворота палочки форма головки. Когда он спрашивал, отчего знак нельзя сделать иначе, если слово и так понятно, отец отвечал одинаково: тогда это будет другой знак.

За знаками пошли списки: зерно, ячмень, эммер, масло, шерсть, овца, коза, бык, осел; потом сосуды, орудия, деревья, птицы и рыбы; потом города, боги, должности, ремесла, меры, названия полей и каналов. Каждая вещь существовала в мире и так же на своем месте среди записанных вещей. В списке городов Ниппур стоял рядом с Кишем, а до того и до другого было по многу дней пути. В списке сосудов рядом стояли ковш из дома и корабельная бочка. Соседство держалось разрядом, и Дуду выучил этот порядок прежде, чем побывал хоть в одном из тех городов.

Труднее всего давались титулы, ибо запомнить приходилось не правило, а образцы: у каждого царя свой порядок, в посвящении один, в письме другой. Наставник заставлял читать надписи прежних царей вслух и до конца, а когда мальчик из соседнего ряда спросил, зачем писать все, если и так всякий знает, кто он, велел ему назвать титулы Энмеркара. Это имя было известно каждому, о древнем царе рассказывали при Эанне и связывали с великим временем города, однако полного порядка его достоинств не назвал никто. Для Дуду это имя было частью храма, вроде камня в древнем основании. Он переписывал его много раз, и рука оставалась спокойной.

К четырнадцати годам он помогал отцу со счетами, к восемнадцати вел таблички, за которые отвечал своим именем. Считать было нетрудно; труднее было понять, к чему относится число, ибо десять гур ячменя означали и поступление, и выдачу, и долг, и жертву, и остаток. Оттого он рано усвоил, что большинство споров рождается из места числа, и, когда человек говорил, что ему выдали меньше, доставал предыдущую запись и читал строку, следующую, имя свидетеля и меру. Голоса он не повышал; там, где запись оставляла сомнение, говорил, что написано так-то, а о прочем следует справляться у человека, при котором выдавали зерно.

На двадцатом году Дуду женился. Невесту нашли в доме писцов при Куллабе, старом храме Ана, что стоял поблизости от Эанны, и дело сладили быстро, ибо обе семьи знали работу друг друга. Дар в дом невесты собирали всем домом: отец дал серебро, братья ячмень и шерсть, дед отдал два медных сосуда, которые держал с давних пор.

Дом от этого мало изменился: к зерну, которое получала семья, прибавилась еще одна доля, во дворе появилось больше женской работы, а через год родился первый сын. Мальчику дали имя Лугалькисальси — «Царь, наполняющий двор»; отец понимал его как пожелание полноты и достатка дому и записал его на небольшой табличке вместе с именем матери и днем рождения. Табличку положили к домашним записям, а сам мальчик первые годы проводил там же, где прежде рос Дуду, среди запаха влажной глины, корзин с готовыми текстами и разговоров людей, приходивших к писцам со своими счетами и спорами.

В первые дни мальчика старались без нужды не выносить со двора. У изголовья лежал маленький кусок обожженной глины со знаком, который принесла женщина из дома матери; вечером она же несколько раз проводила над ребенком рукой и тихо произносила слова, которых Дуду не знал. Он спросил жену, от чего они должны защищать, и та ответила, что новорожденного легко заметить тому, кому замечать его не следует. Через месяц глиняный кусок убрали в стенную нишу, а мальчика стали выносить к остальным.

Дуду привык к тому, что утром уходит в Эанну, а вечером возвращается в дом, где его уже ждут жена и сын; эта часть жизни складывалась своим порядком и редко попадала в записи, которыми он занимался днем.

Звать его стали сперва тогда, когда рядом не случалось старшего писца, потом оттого, что он хорошо помнил, где искать, а после оттого, что с ним обе стороны редко уходили обиженными. Мудрым молодого писца никто бы не назвал, такое слово было бы слишком велико; говорили, что он рассудителен, и это значило много, ибо мудрость принадлежала богам, древним царям и старцам из песен, а рассудительность требовалась каждый день. Через несколько лет и старшие писцы стали говорить: «покажи это Дуду», так же, как прежде говорили «покажи Лугаль-эзену». Отец, впервые услышав такое при нем, промолчал, а наутро отдал сыну ключ от одной из комнат архива, и это было важнее похвалы.

К тому времени победы Эншакушанны вернули Уруку старшинство среди соседних городов. После победы над Хамази в храм привели пленных, пришли обозы, и писцы работали неделями почти без отдыха, ибо все, что поступало в Эанну, надлежало сосчитать, разделить и записать: медь, серебро, оружие, скот, ткани, сосуды и люди. Пленных тоже считали: в первый день Дуду записывал мужчин, во второй женщин, в третий детей, и в перечне для каждого разряда отводилась своя строка. После один за другим стали возвращаться люди из новых походов: сперва из земель Аккада, затем из Киша; из Ниппура привезли записи и храмовые вести, и имя царя становилось длиннее, ибо добычу посвящали богам, и каждое посвящение следовало снабдить надписью. Дуду проверял, чтобы имя, титулы и название храма стояли в ней на своих местах.

Однажды старший писец позвал его в комнату, где готовили посвящение Энлилю. Из дворца прислали новое именование Эншакушанны — «господин Шумера» (*Эн ки-эн-ги*), — однако в образце не было указано, где поставить его рядом с прежним «Царем страны» (*Лугаль калам-ма*). Старший писец положил перед Лугалькингенешдуду черновик и велел найти для нового достоинства место. Дуду искал образцы два дня и близкого сочетания не нашел; отец, прочтя черновик, сказал, что раз достоинство новое, то старого порядка для него нет, и на возражение, что порядок есть всегда, велел его найти. Он попробовал поставить «господина Шумера» после «царя страны», но тогда новое именование выглядело добавленным к уже законченной титулатуре. В следующем черновике он переставил его вперед. Так строка читалась последовательно: сперва власть над Шумером, затем царское достоинство, и через два дня черновик вернулся со знаком одобрения.

В те годы он несколько раз возил посвящения в Ниппур, в Экур — великий храм Энлиля, — и впервые увидел город в сухой сезон, когда сюда стекались люди из разных земель. Эншакушанна слал сюда добычу и надписи, закрепляя свои новые достоинства, и Дуду находил это правильным: победы правителя постепенно удлиняли его титулатуру. И когда к прежним достоинствам прибавлялось новое, писцам приходилось решать, где поставить его в строке.

В последние дни из царского дома дважды приходили к Эанне за лекарем и за человеком, знавшим старые заклинания. Первый унес масло, травы и несколько малых сосудов; второй взял табличку с формулой против дурного ветра, вошедшего в тело. За обоими посылали в один и тот же день, и никто не спрашивал, чья работа важнее. От людей царского дома Дуду слышал, что жар ненадолго отступил, затем вернулся.

Эншакушанна умер в конце сухого времени, ночью, после нескольких дней болезни. Весть пришла утром, когда Дуду сверял у кладовой выдачу масла, и он понял ее издали, по человеку из царского дома, шедшему быстро и без головного убора. Через несколько дней стало известно и еще одно: человека, которого признали бы разом Урук, Ур, Киш и Ниппур, не нашлось ни среди родичей царя, ни среди военных начальников и храмовых сановников.

Победы пережили царя ненадолго. В Эанне ждали решения и несколько раз посылали людей к старейшинам. Ответы расходились: одни просили ждать до погребения, другие уверяли, что имя будет названо скоро. Имени все не называли, и через несколько недель приезжие стали отбывать, а некоторые поехали в Лагаш. Прошло погребение, затем положенные дни, однако в Эанну так никого и не привели для принятия царского достоинства. Совет продолжал собираться, храм совершал службы, склады открывались по утрам, но место, которое занимал царь, оставалось пустым.

Сначала полагали, что имя будет названо позднее. Потом стало ясно другое: *царственность* больше не пребывает в Уруке, из него ушло царское достоинство, которое прежде находилось здесь вместе с Эншакушанной. Где оно теперь пребывает, никто не мог определить по одному знаку. Это становилось видно постепенно. Все чаще за решением ехали в Лагаш, там подтверждали договоры, туда передавали споры, которые прежде дошли бы до царя Урука. Отдельно каждый такой случай имел свою причину, но вместе они указывали на одно: царственность переместилась к Лагашу.

Через несколько месяцев объяснения сложились в новый порядок, и Дуду смотрел на него так же, как смотрел на изменившийся список: строки стояли прежние, а место главного имени стало другим.

Город между тем жил: открывались ворота, стада уходили на пастбища, в Эанне принимали приношения, поля требовали воды, каналы очистки, работники ячменя. Совет старейшин собирался часто и договаривался тоже часто, исполнялось же редко. На одном таком собрании решили очистить главный отвод канала прежде подъема воды, и работа выходила общая: город давал землекопов, три больших дома выставляли своих людей и повозки, Эанна кормила всех ячменем из храмовых запасов. Указали число работников, определили меру зерна, и каждая из сторон скрепила решение своей печатью. Затем управляющий кладовой спросил, чьим распоряжением открыть кладовую, и спор об этом шел до вечера, а кончился тем, что решение о канале осталось принятым, и никто так и не определил, чьим распоряжением связать между собою обязательства города, трех домов и Эанны.

Наутро управляющий сидел у двери кладовой и на все доводы отвечал одно: принеси табличку, по которой я могу выдать. Он указал пальцем на место между распоряжением и свидетелями, где при Эншакушанне стояло имя, придававшее решению силу. К вечеру вода в канале стала ниже, и храмовый управитель сказал, что если завтра люди не возьмутся за отвод, воду по нему уже не удастся провести вовремя, и на вопрос, что же делать, ответил с раздражением: «воду держит табличка, а табличка твоя».

В дом писцов Дуду вернулся после заката и стал думать. Решение уже было принято и скреплено: под записью стояли печати всех, кому предстояло дать людей и зерно. Проблема заключалась в форме, ибо в порядке записи было место подтверждающего имени, и только оно связывало обязательства города, домов и Эанны в одно распоряжение. Составить все как храмовую выдачу значило переложить ответственность на Эанну, тогда как работы шли городские; разделить дело на отдельные решения значило задержать работу; оставить как есть значило дать воде сойти.

Новых слов дело не требовало, и он стал искать место для тех, которые уже были: дважды он переписывал содержание и стирал, а на третьей табличке поставил формулу решения совета туда, где прежде стояло подтверждение правителя. Вышло непривычно, и он проверил себя: совет действительно решил, печати действительно стояли, храм действительно должен

был выдать указанное зерно. Изменилось только одно: прежде решение совета и подтверждение правителя были двумя разными ступенями, а теперь первая встала на место второй.

Утром управляющий прочел табличку дважды и услышал, что решение подтвердили все, кто должен дать людей и зерно, а печати стоят внизу. Он провел пальцем по оттискам, назвал их вслух по одному, сказал, что раньше так не писали, и услышал, что раньше был Эншакушанна. Потом попросил оставить две копии. Через час зерно начали выдавать, через три дня расчистку закончили, и вода пошла; о том, чьим распоряжением открыли кладовую, спросил после один управляющий, да и тот для порядка.

Через месяц надо было распределить людей на ремонт стены, и один из старейшин спросил, как писали тогда, с каналом; табличку достали и велели писать так же. Еще через два месяца по той же форме оформили выдачу древесины, потом распределение работников на плотине. Слова о том, что раньше так не писали, больше не звучали: теперь раньше уже писали.

Постепенно Дуду стали звать на собрания прежде, чем требовалась запись. Старейшины привыкли спрашивать, как было в прошлом году и кто отвечал за стену при Эншакушанне, и он отвечал, называл меру, находил имя, приносил табличку. Память у него была хорошая, однако уважение подкреплялось и тем, что он знал, где лежит нужная запись. Архивы Эанны росли долго, старые писцы помнили прежнее расположение, молодые — новое, а и то и другое знали единицы. Дуду разделил большие корзины, счета зерна отделил от решений о работах, посвящения — от хозяйственных записей. Ему возражали, что и так знают, где лежит.

— А когда нас не будет, кто найдет?

Старики поворачали, а уже через год пользовались его порядком. Переменились и споры, которые ему приносили: прежде речь шла о доле зерна, о поле, о долге, теперь же спрашивали о городе, и все чаще оказывалось, что прежний порядок продолжать невозможно, и тогда старейшины спрашивали, что он предлагает. Вопрос этот был ему неприятен: он привык записывать уже принятое решение, теперь же его спрашивали, каким должно быть само решение.

Войском он по-прежнему не распоряжался, царских одежд не носил и на место Эншакушанна не садился, а когда приходили послы, принимали их старейшины, и он сидел рядом и записывал. Однако на вопрос посла, согласен ли город, люди оборачивались к писцу, и он смотрел в табличку и говорил, что записано согласие, и этого хватало. Когда приехали люди из Ура и старший из них спросил, кому передать табличку их господина, старейшины помолчали, а потом один сказал: дай ему. Позже Дуду узнал, что в Уре о нем стали говорить как о человеке, через которого отвечает Урук, и сказал отцу, что сказали неправильно, ибо отвечает совет. Отец, который уже почти не работал, спросил, кто составляет ответ, кто знает решенное и кто хранит прежние записи, выслушал все три ответа и заметил, что архив сам никому не отвечает, а стало быть, в Уре сказали не совсем неправильно.

Теперь царственность пребывала в Лагаше, и это чувствовалось в самых обычных делах: слово Энметены принимали там, где еще недавно требовалось решение из Урука. Одни в Уруке предлагали войну, другие отвечали, что война без царя подарит Энметене еще одну победу. Дуду входил в такие споры лишь тогда, когда спрашивали о возможностях города, и приносил счета: сколько людей можно собрать, сколько имеется зерна, сколько металла лежит в храмовых кладовых. Он читал счета до конца, и к концу чтения о войне уже говорили тише. Военный начальник Ур-Инанна сказал ему однажды, что он умеет сделать всякий замысел маленьким, и, услышав в ответ, что тот лишь называет цену замысла, рассмеялся, что именно это и сказал. Слава рассудительного человека к тому времени вышла за пределы дома писцов, и дня, когда это случилось, назвать не мог никто; сам же он ее вовсе не замечал, ибо одежды остались прежними, дом прежним, а отец по-прежнему считал зерно, прежде чем сложить мешки.

Совет, на котором ему поручили держать место власти, начался с людей, присланных из Ура, Уммы и Киша с табличками и вопросами к Уруку. Письма из трех городов ожидали ответа, и к полудню Ур-Нисаба, уже седой писец, служивший еще при Эншакушанне, сказал,

что они снова сделают то же самое: решат и разойдутся, потом он напишет, а через месяц придет новый вопрос. На вопрос, что же он предлагает, тот ответил, что городу нужен человек, который отвечает за решение после того, как совет встал, и услышал от военного начальника, что это называется царь, а царя у них нет.

Самый старый из присутствующих, молчавший почти весь день, спросил, кто теперь отвечает от имени Урука. Ему сказали: совет. Тогда он спросил, кто хранит решения, находит прежние записи и составляет ответы другим городам. На все это называли Дуду.

— Значит, половину дела вы уже отдали одному человеку, — сказал старик. — Осталось поручить ему связывать остальное.

Военный снова предложил назвать царя, но старик возразил: царственность ушла из Урука, и совет не вправе присваивать ее человеку. Речь шла только о том, чтобы кто-то держал пустующее место в городских делах, пока не станет ясно, кому принадлежит царское достоинство.

Дуду попросил перечислить, что означает «держат место». К вечеру записали: принимать вместе с советом людей, прибывающих от других городов, отправлять ответы после решения совета, следить за городскими работами через назначенных людей, при внезапном нападении распоряжаться защитой до созыва совета. Земли, кладовые и люди Эанны оставались под храмовым управлением. Дуду перечитал запись и увидел, что в ней собрали обязанности, которые он прежде выполнял по отдельности. Достоинства к ним не прилагалось.

Военный отказался: он умел распоряжаться людьми и стенами, но не городскими записями. Человека из рода Эншакушанны совет не принял, опасаясь, что временное место станет наследственным. Храмовый управитель тоже остался при Эанне. Тогда кто-то назвал Дуду.

Он напомнил, что остается писцом и никогда не командовал войском. Старик ответил, что именно человека вне царского дома город сейчас и сможет принять.

— На какой срок? — спросил Дуду.

— Пока не решится дело о царственности.

Он еще раз перечитал перечень обязанностей и согласился держать это место до тех пор, пока не станет ясно, кому царственность принадлежит.

Когда совет расходился, старик задержался и сказал, что завтра придут люди из соседних городов и принимать их теперь придется Дуду.

— Ты вправду думаешь, что это временно? — спросил он.

— Все временно.

Ответ Дуду не понравился. Он предпочитал сроки.

Вечером он снова пришел в дом писцов, как в ту ночь, когда требовалось оформить выдачу зерна для расчистки канала. Наутро следовало ответить на одно из посольских писем. Прежде он написал бы, что совет Урука постановил; теперь совет назначил того, кто должен удерживать решение после собрания, и, значит, имя его надлежало поставить там, где в подобных письмах прежде стояло имя человека, отвечавшего за город.

Он приготовил глину, сделал табличку чуть шире обычной и начал текст. Первые строки легли хорошо: место для обращения и самого ответа он рассчитал заранее. После текста ответа следовало поставить имя, и он начал писать его полностью: Лугалькингенешдуду.

Полное имя занимало много места, и он знал это всю жизнь. В хозяйственных записях его порой сокращали, сам же он при чистовой записи всегда предпочитал полную форму, а сегодня сокращать было нельзя, ибо впервые он ставил собственное имя там, где прежде стояло имя правителя.

Он дошел до края строки и увидел, что ошибся в расчете. Места не хватало. Можно было стереть строку и начать выше, глина оставалась достаточно влажной; можно было сузить последние знаки, однако тесных знаков он не любил; можно было взять новую табличку, но все остальные строки выстроились ровно. Тогда он перенес окончание на следующую строку.

Два последних знака остались одни: Ду-ду. Он прочел табличку целиком. Содержание было правильным, формула правильной, имена стояли на своих местах, и лишь собственное его имя портило строку. Он посмотрел на перенос, потом отложил табличку сушиться.

Он остался недоволен.

Глава 2. Эанна

Наутро пришли двое людей из Ура и Уммы, каждый со своей табличкой, и Дуду принимал их вместе со старейшинами, как было записано накануне. Прежде оба говорили бы со старшим из присутствующих, а после ждали, куда совет соберется вновь и даст ответ; теперь старейшины выслушали их, обменялись несколькими словами и посмотрели на него. Он спросил о количестве зерна, о сроке и о людях, которые должны сопровождать груз, и сказал, что решение будет дано после полудня.

Дальше пошло так же. Совет собрался, решил первое дело, отложил второе, Дуду составил ответ и к вечеру прочел его тем, кто прикладывал печати. Потом распределяли людей на починку южной стены, потом выясняли, кто обязан очистить два меньших отвода канала, и постепенно новое устройство сделалось привычным: люди знали, куда идти с решением, которое оставалось исполнить, старейшины знали, кого оставить после собрания с недоговоренными делами, храмовые управители знали, чье слово принесет им решение совета без нового ожидания.

Дело осложнилось, когда с новым порядком пришлось иметь дело другим городам. Через два месяца из Уммы пришел ответ в глиняной оболочке с их печатью. Умма соглашалась с содержанием, а в конце спрашивала, какое достоинство носит человек, чье имя стоит при решении совета Урука. Дуду взял чистую табличку и начал перечислять: поставлен советом держать решение после собрания, принимает посланников вместе со старейшинами, составляет ответы, распоряжается городскими работами через назначенных людей. На короткий вопрос ушло шесть строк, а до храмовых оговорок он еще и не дошел. Тогда он стер написанное и составил короче: действует по решению совета Урука и отвечает за исполнение принятого.

Через месяц из Киша пришло письмо, обращенное к старейшинам Урука, и его имени там не было вовсе. Содержание совпадало с тем, чего Урук добивался, оттого он и не задержался на письме, однако старый советник, прочитав, спросил, ему ли отвечали, и, услышав, что Уруку, повторил вопрос еще раз, а после кивнул и положил табличку обратно.

Серьезнее вышло с Уром. Медь шла оттуда давно, и договор о ней совет несколько раз продлевал, а затем передал Дуду, чтобы новый порядок был записан на год вперед. Он составил текст, назвал количество металла, зерно и ткани, которыми Урук отвечал, и отправил табличку с двумя людьми, хорошо знавшими дорогу. Вернулся один и положил договор перед ним. На обороте стояла короткая приписка: условия принимаются, и пусть Урук назовет достоинство человека, который отвечает за их исполнение после того, как нынешних старейшин не станет. Приехавший прибавил, что его там спрашивали, кто этот человек, и он ответил, что тот держит власть в городе по решению совета.

— Тогда спросили, как называть его при этом.

В комнате засмеялись. Дуду вечером снова достал текст, которым совет определил его обязанности, и в который раз нашел написанное ясным: послы, городские работы, войско при нападении, решения совета, оговорки Эанны. Внутри Урука этого хватало, ибо всякий здесь помнил, как и почему появился текст. За городской стеной от всего этого оставались его имя и несколько строк, которыми приходилось объяснять каждое его действие.

Через несколько дней совет снова обсуждал письмо из Ура, и один предложил написать, что Дуду отвечает за город, другой напомнил, что то же самое уже писали в Умму. Ур-Инанна, долго сидевший молча, спросил, поймут ли его, если он пошлет человека и напишет, что тот ведет сто воинов, и, услышав, что поймут, спросил, поймут ли, если написать, что человек ведет людей, куда не решено, кого поставить над войском.

— Спросят, кто он такой.

Никто не засмеялся, и решение отложили.

Днем Дуду пошел в храм. Из средней части города Урук выглядел нагромождением строений: плоские кровли сходились почти вплотную, между ними тянулись узкие улицы, кое-где открывавшиеся к каналам, по которым входили лодки с зерном, тростником и шерстью. Дальше поднималась городская стена, а за нею лежала ровная земля и полоса воды. Город был низок, и над кровлями поднимались одни лишь священные постройки.

Над городом выделялись два древних священных участка: Куллаб Ана и Эанна Инанны. Каждый занимал значительное пространство среди городской застройки, со своими стенами, дворами и храмовыми зданиями.

Над Эанной поднималась высокая храмовая терраса со святилищем Инанны на ней. Ее толстые глинобитные стены были расчленены выступами и глубокими нишами и хорошо виднелись над плоскими крышами домов. Издали различалась прежде всего верхняя часть святилища; ворота, дворы, кладовые и другие постройки храмового комплекса становились видны только при приближении.

Участок Эанны был обнесен собственной стеной и занимал столько места, что издали казался отдельным городом внутри города. Внутри стены располагались дворы, кладовые, мастерские, жилища служителей и храмовые здания, соединенные проходами. Люди входили в одни ворота с животными и корзинами, выходили другими с пустыми сосудами и табличками, и движение это шло с утра до темноты.

Ближнюю к воротам часть Дуду знал по ежедневным делам. В первый двор по утрам приводили животных, в кладовые ссыпали зерно, в помещениях для шерсти принимали и выдавали тюки, а в комнатах писцов считали, записывали и сверяли. Сюда он ходил много лет и обыкновенно сворачивал к писцам, не заходя дальше.

За хозяйственными дворами начиналась та часть, ради которой существовало все остальное, и туда писец входил лишь по делу. Там менялся запах: глина и шерсть оставались снаружи, внутри стояли запахи масла и дыма, а воздух был прохладен и неподвижен. Один двор переходил в другой, между ними поднимались глухие стены, и за каждой следующей дверью становилось тише; голоса погонщиков и счетчиков зерна оставались позади.

После смерти Эншакушанны он бывал здесь чаще, а однажды старший храмовый служитель попросил его остаться при вечернем подсчете. Последний двор был почти пуст, свет падал сверху на стены, проходы под навесами оставались в тени. У подножия террасы стояли сосуды для возлияний, выше шла лестница, и наверху Дуду видел дверной проем и светильники по обе его стороны. Изображения богини отсюда не было видно. Он задержался, прежде чем слугитель позвал его дальше.

Сама работа была ему знакома, но здесь ее выполняли в иной последовательности: запись составляли по ходу приготовления, а не после выдачи, как у кладовой. Жертвенное мясо считали отдельно от еды служителей, а хлеб, принесенный перед изображением богини, проходил через запись дважды, при внесении и после того, как его уносили. Дуду спросил, зачем

записывать второй раз, и услышал, что затем, чтобы знать, что вернулось. На вопрос, много ли пропадает, служитель ответил, что не пропадает ничего.

— Тогда что она берет?

— Не то, что мы взвешиваем.

Больше он не спрашивал. В следующий раз его позвали проверить старую утварь, и оказалось, что иные вещи нельзя ни выносить, ни употреблять снова; их складывали в отдельном помещении вместе с обломками статуй. О медной чаше с трещиной он спросил, отчего ее не переплавить, и услышал, что ею пользовались здесь, а на вопрос, сколько все это будет лежать, старший служитель ответил, что лежать оно будет, покуда лежит.

Так шло несколько месяцев. Дуду проводил в Эанне все больше времени, поскольку городские решения все чаще касались храмовых людей, земли, зерна или работ, и ему следовало знать, где кончается его поручение и начинается храмовый порядок. Однажды он пришел до рассвета и остался до следующего утра. За это время одну и ту же пищу успевали принять, отнести во внутренние помещения, принести богине, вынести обратно и снова пересчитать; прежде в его записях все это занимало несколько строк.

Воду брали отдельно для омовения служителей, отдельно для сосудов; ту же, которую подавали перед богиней, набирали только из одного колодца и несли в закрытых кувшинах. Хлеб для приношения ставили прежде хлеба для служителей, а тесто для него месили в особой квашне, которую для другой выпечки не употребляли. Огонь разносили по светильникам, начиная с дальних, а обратный ход при вечернем гашении шел от входа внутрь.

Служба открывалась умыванием и одеванием изображения. Дальше вносили еду и питье, ставили, задерживали завесу и ждали. Ожидание было тем, чего Дуду не сумел записать: в его табличках между внесением и выносом стояло время, а время это ничем не заполнялось, люди просто стояли молча, и однажды он спросил, сколько следует ждать, и услышал:

— Пока служитель не даст знак.

Потом завесу отдергивали, приношение уносили и делили, и всякая доля имела свое имя, а хлеб, побывавший внутри, звался иначе, чем тот, что пекли рядом из той же муки. Люди ходили по храму свободно, покуда не начиналось приготовление, и тогда движение менялось: одни отступали за второй двор, другие оставались, и Дуду поначалу принимал это за порядок старшинства, а потом увидел, что старший над кладовыми стоит снаружи, тогда как молодой человек, носивший воду, входит внутрь. Он спросил, отчего так.

— Он носит воду.

Дуду помедлил, затем записал это рядом с именем мальчика. В обычных храмовых списках такой работы отдельной строкой не было.

Сперва он просто запоминал все как расписание, а потом обнаружил, что знать время службы недостаточно. Человек, отвечавший за вечернюю службу, однажды задержался за стеной из-за спора о поле, и Дуду спросил, отчего его ждут, если начать можно и без него; ему объяснили, что тот должен сказать первые слова, а он заметил, что слова эти знает и другой. Старый служитель, тот самый, который толковал ему про хлеб, посмотрел на него с любопытством и спросил, станет ли царем чужой писец, написавший царские титулы правильно. Дуду промолчал, и служитель ответил сам:

— Слова порою принадлежат тому, кто их говорит.

Дуду признал ответ старика разумным.

Спустя время эти первые слова пришлось сказать ему самому. Человек, отвечавший за вечернюю службу, не пришел из-за болезни. Посланный к нему вернулся и сказал, что с ночи того трясет и он не может подняться; дома уже были лекарь и человек, знавший заклинания. Один растирал больного маслом и давал ему пить воду с травами, другой сидел у изголовья и называл то, что должно выйти из тела. Старший служитель спросил, началось ли чтение до восхода, получил утвердительный ответ и больше о больном не спрашивал.

Служба была связана с городским приношением, которое Дуду привез от совета. Старший служитель спросил, помнит ли он первые слова, и, услышав, что помнит, велел говорить.

— Я писец.

— Сегодня ты принес дар города.

Дуду попросил табличку.

Ему принесли старую копию с несколькими стертыми знаками, он прочел текст про себя, дождался, покуда внесут масло, и произнес положенное. Жрец принял сосуд, светильники горели ярко, и вскоре Дуду вернулся к своим табличкам. На следующий месяц его попросили прочесть ту же формулу снова, а еще позже он уже обходился без копии.

Вопрос о его положении тем временем оставался нерешенным. Из Ура пришло второе письмо: условия принимали по-прежнему и просили назвать достоинство того, кто отвечает за исполнение. Совет собрался вечером и стал искать слово. Один из старейшин предложил *угула*, но Дуду сказал, что так называют человека, поставленного над работниками. Кто-то предложил титул «*нубанда*», однако и он подходил не больше: такой человек мог распоряжаться людьми или работами, а в Уре спрашивают, какое достоинство имеет человек, который отвечает от имени города.

— Напишите «*лугаль*» и закончим, — сказал Ур-Инанна.

После этого заговорили все разом. Храмовый управитель сказал, что царское достоинство ставят при имени не так просто, как должность при складе. Военный спросил, кто созовет людей, если враг подойдет ночью, и, услышав, что это записано отдельно, сказал, что потому и говорит о царе. Тогда кто-то спросил, царь ли Энметена, и заговорили о том, что Лагаш прочтет это письмо по-своему.

— Это разные записи, — сказал Дуду. — *Лугаль Унуг* есть царь города. Старшинство над городами пишется *лугаль калама*, и Эншакушанна писал оба титула.

Тогда храмовый управитель напомнил, что в Лагаше самого Энметену называют *энси*, и сказал, что писцы Гирсу, скорее всего, тем же словом назовут правителя Урука.

— Пусть называют, — сказал Ур-Инанна. — Мы пишем для Ура.

Он рассмеялся и заметил, что вся его жизнь состоит из таких различий.

Старый советник спросил, как быть, если царь Урука откажется признать Энметену старшим; военный ответил, что тогда будет война, а на вопрос, что если признает, сказал, что тогда война будет не из-за имени. Храмовый управитель прибавил, что написать они могут любое слово, а потом это имя принесут в Энну и поставят перед Инанной как имя царя, и на замечание, что имена ставят перед нею каждый месяц, согласился, что ставят, да иные.

Дуду спросил, что при этом переменится, и услышал: порядок службы. Управитель перечислил омовение, одежду, приношение от города, слова перед входом, слова внутри, ночь при храме и утренний выход, и дважды Дуду останавливал его, чтобы уточнить незнакомое название.

— И после этого в Уре перестанут спрашивать?

Храмовый управитель помолчал.

— После этого мы сможем поставить имя перед богиней как имя царя.

— Я спросил другое.

— Другого ответа у меня нет.

Старый советник сказал, что и этого довольно. Дуду думал иначе, однако следующие дни провел в храме больше обычного, слушал объяснения и записывал порядок на малых табличках. Омовение оказалось делом простым, одежда сложнее, ибо годилась не всякая ткань; дар города составляли отдельно от его собственного; слова тоже делились, и часть произносил он, часть храмовый служитель. Больше всего вопросов вызвала ночь, и на вопрос, для чего оставаться, старший служитель подумал и сказал:

— Чтобы утром вышел тот же человек.

Дуду посмотрел, шутит ли старик, и увидел, что тот говорит всерьез. Он спросил, кто же может выйти вместо него, услышал, что никто, и заметил, что в таком случае он и так выйдет сам. Объяснение осталось неясным, однако больше он не спрашивал.

В день поставления он проснулся раньше всех в доме и пошел к Эанне. У внешнего двора уже ждали люди совета: военный начальник Ур-Инанна пришел в обычной одежде, без оружия, и от этого выглядел непривычно.

Городской дар принимали при нем: двое храмовых людей пересчитали хлебы, взвесили масло, осмотрели шерсть и отставили один сосуд, у которого нашли скол по краю. Дуду поймал себя на том, что следит за счетом, и заставил себя отвернуться.

Омовение прошло так, как ему объясняли. Свою одежду он снял в малом помещении у второго двора и отдал человеку, который сложил ее и унес, и это оказалось единственным за весь день, чего он не ожидал: он не спросил заранее, куда ее денут, и теперь спрашивать было поздно. В храмовой одежде было меньше ткани и украшений, чем в парадном облачении Эншакушанны, которое Дуду не раз видел при церемониях, и все в ней принадлежало храму, отчего ему стало проще: происходившее покамест походило на службу.

Потом он ждал. Помещение было тесное, с одним высоким проемом, и оттуда слышалось, как во дворе переговариваются старейшины и как кто-то прикрикнул на носильщика. Однажды за стеной засмеялись, и смех был обыкновенный, дневной, и от этого стало покойнее. За ним пришли, когда голоса во дворе смолкли.

В первом дворе стояли старейшины, и дальше их не повели. Во втором остались люди совета и старший над кладовыми. Внутрь прошли храмовый управитель, старый служитель, двое молодых служителей и сам Дуду, и он отметил, что людей было меньше, чем при обычном вечернем приношении.

Он произнес свое полное имя, имя отца и название города. Старый служитель назвал Инанну, после чего внесли городской дар. Он повторил слова, которые учил последние дни, и услышал ответ храмового служителя. Потом читали старые формулы, и иные он знал с детства: в них перечислялись прежние правители Урука, дела, которые им приписывали, храмы и земли, связанные с их именами.

Назвали Энмеркара. Он услышал рассказ о царе Урука, об Инанне и о далекой Аратте, откуда в город должны были прийти богатства; эти слова он тоже знал, и ему всегда нравилась та часть, где посланец должен помнить длинную речь, потому что в детстве он не понимал, отчего ее попросту не записали. Теперь часть старого сказания произносил он сам. Имя Энмеркара он произнес без запинки, затем назвал Аратту и Инанну и кончил формулу там, где следовало.

Во внутреннем помещении горели светильники, числом меньше, чем он ожидал. В положенное время один служитель должен был взять ближний светильник и переставить его дальше, после чего начиналась следующая часть. Человек подошел, взял лампу и остановился: пламя горело очень ярко. Он подождал и посмотрел на старшего служителя, который тоже смотрел на лампу. Перед следующим чтением огонь этой лампы полагалось погасить и зажечь другой от второго сосуда. Служитель прикрыл фитиль маленькой крышечкой, а когда поднял ее, пламя не погасло. Он прикрыл снова; пламя уменьшилось и выпрямилось. Позади кто-то тихо сказал несколько слов, которых Дуду не разобрал.

Старший служитель протянул руку.

— Оставь.

Лампу поставили обратно, следующую зажгли отдельно, и служба пошла дальше. Дуду еще некоторое время смотрел на первый светильник и решил, что крышка легла неплотно: край у нее был старый, фитиль новый, воздуха под ней могло остаться довольно. Он собирался после службы спросить, часто ли такое случается, но потом забыл.

Вечером, когда большая часть людей вышла, старший храмовый служитель принес ему хлеб и воду и сказал:

— Хорошо приняла.

Дуду решил, что речь о службе, и ответил, что ошибок не было.

— Я не про ошибки, — сказал старик, поставил хлеб и ушел.

Ночь в Эанне оказалась длиннее, чем он ожидал. В городе долго слышались голоса, потом утихли; несколько раз проходили храмовые люди, приносили масло и воду; он спал мало, сидя у стены, и под утро ему приснилось, что он снова идет через Эанну, только дворы были пусты и двери стояли открыты. Он проходил одну за другой, не встречая служителей, и всякий раз оказывался дальше внутри, чем бывал наяву. Последняя дверь вывела его в помещение, которого он не знал. Светильников там не было, однако стены различались ясно, словно слабый свет шел от самой глины. У дальней стены стояло низкое ложе, застланное светлой тканью; рядом были поставлены хлеб, финики и чаша.

Женщину он увидел не сразу. Она сидела у ложа и ждала его. На ней была длинная одежда, темная у ног и светлеющая к плечам, волосы лежали свободно, а лица он потом вспомнить не смог, хотя во сне ему казалось, что он видел его много раз. Он остановился у входа, ожидая, что она назовет его или велит подойти, но женщина ничего не сказала.

Тогда он сам вошел.

Она разломила хлеб, одну половину оставила себе, другую положила перед ним. Дуду ел и не чувствовал вкуса, однако знал, что должен доест до конца. Потом женщина взяла чашу, отпила и передала ему. Он сделал то же самое. Когда он поставил чашу обратно, она коснулась его руки, и в этот миг ему показалось, что где-то далеко открылись все двери, через которые он прошел, хотя ни звука не было.

Дальше сон сохранился хуже. Он помнил, что сидел уже не напротив нее, а рядом, на краю ложа; помнил ее руку у себя на затылке и запах масла, который был сильнее храмового дыма. Потом исчезло и помещение. Осталось только ощущение чужого тепла совсем близко и странная уверенность, что отсюда ему уже не надо никуда идти. Это длилось долго или одно мгновение — во сне он различить не мог.

Перед самым пробуждением женщина все-таки сказала несколько слов. Он услышал их ясно и тут же потерял большую часть, словно фраза была длиннее того, что могла вместить память. Осталось только:

— Теперь останься.

Он проснулся от шагов в проходе. Несколько мгновений лежал неподвижно и не сразу понял, в каком помещении находится. Рука его была прижата к груди, а на ладони еще сохранялось ощущение чужих пальцев, хотя, открыв глаза, он увидел только стену, свернутую одежду и гаснущий светильник.

Потом вошел служитель с водой, и сон быстро стал обычным сном. Хлеб был перед ним накануне, масло горело всю ночь, о ложе он спрашивал еще во время приготовления к службе. Даже слова могли остаться от старого служителя, который велел провести здесь ночь. К тому времени, когда начались утренние приготовления, Лугалькингенешдуду уже думал о том, какую формулу ему предстоит сегодня записать.

С восходом повторили несколько коротких формул, после чего ему вернули обычную одежду. У внешнего двора ждали старейшины, и старый советник спросил, тот ли человек вышел, а на вопрос, рассказали ли ему уже, ответил, что ему рассказывают многое.

Совет собрался в тот же день, и спор был короче прежнего: храмовый управитель сказал, что служба совершена, старейшины по очереди подтвердили прежнее решение, и, поскольку изменять ничего не хотели, сослались на прежнюю запись.

Впервые после его полного имени следовало обозначить царское достоинство. Текст Дуду составлял сам. Когда-то старший писец положил перед ним новое достоинство Эншакушанны

и велел поставить правильно; теперь новое достоинство относилось к нему самому. Он нашел старые формулы, сравнил несколько изводов, выбрал краткий и долго рассчитывал строку, а после написал:

Лугалькингенешдуду, лугаль Урука.

Имя заняло строку почти целиком. На этот раз места для него хватило. Лугалькингенешдуду перечитал написанное и отдал табличку писцам снять копии.

Через три дня ответ отправили в Ур, и таблички из Ура он ждал дольше, чем хотел себе признать. Когда она наконец пришла, на обороте, среди обычных хозяйственных строк, стояло обращение к нему как к царю Урука. Спрашивать, кто он такой, перестали.

Он показал табличку старому советнику.

— Вот как они теперь пишут.

Старик прочел обращение и спросил, много ли переменилось с прошлого письма.

— Медь та же и сроки те же.

— Стало быть, слово нашли верное.

Лугалькингенешдуду по-прежнему ходил в тот же дом, ел тот же хлеб и почти всякий день сидел в той же комнате при Эанне. Люди стали кланяться ниже, иные замолкали, когда он входил, и это мешало работе. С послами стало проще: теперь всякий знал, кому отдать письмо, и короткого титула хватало там, где раньше приходилось объяснять устройство всего Урука. После поставления его чаще звали на службы, связанные с городом; он приносил дары от совета, присутствовал при чтении, иногда сам произносил несколько строк. Храмовые дела по-прежнему вели храмовые люди, и вмешиваться в их порядок без нужды он не собирался.

Старый служитель все чаще просил его остаться, когда собирались гадать по очередному делу. В прорицаниях он понимал мало и давно привык, что один исход считают ясным, другой сомнительным, а третий велит повторить через несколько дней. Решали, ехать ли ему в поселение у западного канала, и гадатель, посмотрев на знаки, сразу сказал: ехать. Через несколько дней спрашивали о расчистке участка того же канала, и ответ вышел неясным, спорили долго, меняли слова вопроса, потом перенесли гадание на утро. Дуду ушел прежде конца: его ждали люди по делу о зерне.

Потом был сон. Он редко запоминал сны, а этот запомнил именно потому, что в нем почти ничего не происходило: он шел вдоль ограды, видел сломанный участок и за ним одну белую козу, запутавшуюся между сухими ветвями. Утром сон показался ему настолько пустым, что вспомнил он о нем лишь за едой.

Днем при Эанне искали трех животных из храмового стада. Одно нашли у воды, другое вернул пастух, третье пропало, и, когда сказали, что пропавшая коза белая, Лугалькингенешдуду велел смотреть у старой ограды к северу от храмовых загонов. Управитель спросил, почему.

— Приснилось.

К вечеру козу привели. Она в самом деле застряла у сломанной ограды, только у восточной. Старый служитель, услышав об этом, спросил, часто ли ему снится такое, и, получив отрицательный ответ, спросил, бывало ли раньше; Лугалькингенешдуду подумал и сказал, что о козе мог говорить пастух, а говорил ли, он не помнит.

Некоторое время после этого он следил за гаданиями внимательнее обычного. Вопрос о новом канале пришлось задавать дважды. О торговцах из Киша ответ вышел настолько темным, что решение приняли своим умом. Потом обсуждали его поездку в Ур, и ответ получили сразу.

Старый служитель отложил табличку и сказал, что про канал спрашивали второй день, а про поездку хватило одного раза. Лугалькингенешдуду ответил, что вопрос был проще.

— Может быть.

В Ур он отправился с двумя писцами и людьми, сопровождавшими городские грузы. Большую часть пути шли водой: сначала по каналу от Урука, затем по более широкому руслу,

где встречались лодки с зерном, шерстью и тростником. В Уре его приняли люди, с которыми он уже переписывался по поставкам меди: старший писец городского хозяйства, управляющий складами и двое старейшин, державших прежний договор. Они встретились у складов возле пристани, сверили привезенную из Урука копию с местной, затем прошли по помещениям, где лежали слитки и готовые изделия, и только после этого сели обсуждать меру металла и ответную поставку зерна и тканей. Для Лугалькингенешдуду это была первая поездка, когда в Уре его принимали уже не как писца, привезшего чужое решение, а как человека, с которым заключали договор от имени самого Урука.

Договор подтвердили, медь отмерили без спора, а старый знакомый писец показал ему копию того первого письма, которое когда-то вернули в Урук с вопросом о достоинстве, и сказал, что теперь понятно, кому писать. Он взял табличку, прочел старую длинную формулу и рассмеялся, а на вопрос, чему смеется, ответил, что ничему, и отдал табличку обратно. Возвращаясь, он думал о старом письме: ответы он составлял почти так же, как прежде, зато в Уре теперь знали, кому писать.

Старый служитель, однако, порой смотрел на него так, словно чего-то ждал. Однажды он спросил, чего тот хочет, услышал, что ничего, и спросил, отчего же тот смотрит.

— Хочу увидеть, когда ты сам спросишь.

— О чем?

— Значит, еще рано.

Это раздражало, и через несколько дней он попросил старшего служителя поставить при вечерней службе другого человека вместо него. Тот без спора согласился. Потом Дуду решил, что поступил глупо, и в следующий раз пришел сам. Служба шла обычно: принесли масло, хлеб и шерсть, прочли слова перед Инанной, светильники гасли, когда их гасили, и о нем никто ничего не говорил. Лугалькингенешдуду успокоился и даже подосадовал на себя за то, что вообще об этом думал.

Поздно ночью он остался во внутреннем дворе почти один. Старый служитель ушел проверить людей у второго входа, где-то дальше ходил человек с лампой, из города доносились отдельные голоса, потом стихли. Он сидел у стены и перебирал в уме завтрашние дела: зерно для работников, письмо в Ур, спор двух семей о воде, люди, которых нужно послать к северным воротам.

Через некоторое время ему захотелось выйти. Сперва он не придал этому значения, а потом заметил, что думает о выходе снова. Во дворе было прохладно, воздух свободно шел через верхние отверстия, дыма почти не осталось, служба кончилась, и до утра ему оставалось только спать у стены. Лугалькингенешдуду остался и просидел еще некоторое время, глядя на свет у дальней двери.

Желание выйти не исчезло. Наконец он поднялся. У первого прохода сидел молодой храмовый служитель; когда Лугалькингенешдуду сказал, что выходит, тот спросил, не позвать ли старшего, и получил ответ, что не нужно. Он прошел через двор, потом через следующий, миновал хозяйственные помещения и вышел за внешнюю стену храмового участка. Ночь была обычной: где-то лаяла собака, у канала разговаривали двое мужчин, от домов тянуло дымом.

Он остановился. На воздухе стало легче. Постоял немного, стараясь понять, отчего именно легче, но ответа не нашел, и потому просто пошел домой.

Глава 3. Дар

За следующим разливом пришел еще один, и время после поставления постепенно вошло в обычный счет лет. Ремонтировали стены, расчищали каналы, разбирали тяжбы о земле, принимали медь из Ура и шерсть из Киша, отправляли зерно в Ниппур. Совет собирался и расходился, а решения после него оставались у Лугалькингенешдуду, как и было однажды записано. Царское достоинство тоже стало привычным: его ставили после имени в письмах, произносили при встрече послов, и только домашние продолжали называть его Дуду.

Отец уже оставил службу при Эанне и большую часть дня проводил во дворе. Его зрение слабело, пальцы дрожали, хотя учебные таблички внука он еще проверял и по одному клину замечал чересчур широкий срез палочки. Лугалькисальси тогда было около двенадцати; он учился в том же доме писцов, где вырос отец, переписывал списки сосудов, животных, должностей и городов, ошибался в порядке знаков и переделывал строки под взглядом деда.

Жара стояла несколько дней, и однажды утром отец лежал во дворе под навесом и был в памяти. Накануне отцу стало хуже, и жена Дуду послала одновременно за лекарем Эанны и за стариком, которого на их улице обычно звали, коли болезнь держалась дольше нескольких дней. Лекарь осмотрел глаза и язык Лугаль-эзена, велел давать ему воду понемногу и оставил масло для груди. Затем знахарь сел у входа, попросил не разговаривать без нужды и долго читал над чашей короткие слова, несколько раз называя Уту, Нанну и Энки. Затем водой из той чаши обмыли отцу руки и лицо. Ночью жар уменьшился, и утром он чувствовал себя лучше, спросил, привезли ли зерно из ближних полей, выслушал ответ и велел позвать внука с табличкой. Лугалькисальси принес вчерашний список городов; дед посмотрел, тронул пальцем строку и сказал, что промежуток широк. Потом позвал сына:

— Дуду.

Больше он ничего не сказал.

Семья совершила все положенное, принесла в храм хлеб и масло, писец записал имя умершего, Лугаль-эзена, сына писца, из дома при Эанне, служители приняли приношение и положили запись к другим погребальным табличкам месяца. Дуду проверил имя дома и отца, увидел, что оба написаны правильно, и вернул табличку. Потом тело вынесли, а приношение отнесли в храм вместе с записью.

Похороны прошли по установленному порядку, и через несколько дней Лугалькингенешдуду вернулся к городским делам. Короткое имя после этого стало звучать реже: так называли его теперь разве что жена да старики из дома писцов.

Со времени той ночи, когда ему захотелось уйти из внутреннего двора Эанны, прошло больше года. Он много раз присутствовал при службах, иногда оставался до утра, видел гадания и следил за светильниками, и всякий раз все шло положенным порядком. Старый жрец тоже смотрел теперь мимо него и говорил главным образом о храмовых делах.

Весной Лугалькингенешдуду поехал в Ниппур. Из Экура прислали табличку: следовало сверить долю Урука в поставках и работах, поскольку в старых записях времени Эншакушанны зерно считали по прежнему порядку, а при работах отдельно записывали людей города и людей Эанны. Спор был невелик, хотя письмами затянулся, поэтому несколько табличек и свидетелей отправились вместе с царем.

Ниппур он знал давно, однако теперь впервые приехал туда с достоинством, понятным ниппурским писцам без пояснений. Служители Экура называли его полным именем, писцы сразу нашли урукские записи и разбирали с ним меры и сроки так же, как с представителями Ура, Киша и Лагаша. За несколько дней старые счета свели, людей Эанны выделили в отдельный разряд, а спорную поставку разделили между двумя годами.

Оставшееся время Лугалькингенешдуду провел среди храмовых записей и посвящений. Там стояли дары разных городов, хранились копии надписей прежних царей, и среди старых урукских текстов он снова увидел имя Эншакушанны с длинной последовательностью титулов. Рядом лежала более новая посвятительная табличка Энметены. У правителя Лагаша после имени и основного титула стояли еще другие достоинства.

Лугалькингенешдуду перечитал обе записи, затем посмотрел на собственную формулу. Она была правильной и законченной, но после царского достоинства перечень обрывался. Урук снова имел царя и снова посылал дары в Экур, а нынешняя урукская титулатура оставалась короче той, которую он видел в старых посвящениях.

Перед отъездом он спросил, где поставили бы новое посвящение Урука, если бы город прислал его в этом году. Служитель показал место возле стены, где принимали новые тексты перед переносом внутрь.

Вернувшись, Лугалькингенешдуду велел узнать стоимость такого посвящения, затем занялся другими делами. Несколько недель спустя за ним пришел писец Эанны и попросил явиться во внутренний двор: после ночной службы была сделана запись, в которой стояло его имя.

Там его ждали храмовый управитель, старшие писцы, старый жрец и человек при светильниках. Таких служителей Лугалькингенешдуду видел каждый раз, когда оставался в храме вечером: они приносили масло, меняли фитили, переносили огонь и гасили лампы в положенной последовательности.

Во время ночной службы один из них нес светильник из внутреннего помещения. Двое служителей видели, как у стены пламя поднялось выше обычного и дым пошел вдоль кладки. Человек при светильниках рассказывал, что в дыму различил женскую фигуру и услышал слова Инанны.

После службы его заставили повторить услышанное дважды. Писец записал второй рассказ почти дословно:

«Тебе даю я энство. Царственность уже при тебе; теперь я связываю одно с другим на твоём имени, и оба будут передо мной вместе».

Лугалькингенешдуду прочел запись, затем попросил повторить ее еще раз. Служитель сохранил тот же порядок: сперва энство, затем слова о царственности, которая уже была при нем, потом их соединение на одном имени.

Рядом лежала вторая табличка, составленная утром храмовым писцом. Прямую речь он перевел в обычную форму записи: вместо «я» поставил имя Инанны, вместо «тебе» — имя того, к кому относилось обращение, а длинную фразу о соединении двух достоинств свел к строке:

«Инанна соединила для Лугалькингенешдуду энство и царственность».

Лугалькингенешдуду положил таблички рядом и сверил их так же, как сверял разные копии договора, а на одном месте задержался.

— Здесь назван я, а Урук не упомянут.

Писцы принесли старые посвящения. В нескольких из них имени царя было достаточно, чтобы представлять город. Лугалькингенешдуду просмотрел примеры, проверил порядок достоинств, и этого объяснения ему хватило. Формулу переписали начисто.

Совет принял формулу с удовольствием. Писцы прочли ее как новое достоинство Урука, храмовый управитель принял такое чтение, и тогда вспомнили о посвящении, которое собирались поставить в Экуре.

На следующий день Лугалькингенешдуду сам рассчитал строку. По привычке он оставил место для переноса имени и достоинств, потом пересчитал знаки, стер разметку и начал заново: строка помещалась целиком. Посвящение составили от имени Урука, вписали новую титулатуру, назвали дар Энлилю и людей, отвечавших за доставку. После нескольких исправлений текст передали мастеру, а вместе с очередной храмовой поставкой отправили в Ниппур.

Ответ Экура пришел через несколько недель. Посвящение приняли и сняли с него копию для хранения. В обращении к Лугалькингенешдуду ниппурский писец воспроизвел оба титула.

После этого новую форму использовал уже в следующем письме в Ур, затем в Киш и Умму. Через несколько недель та же титулатура вернулась из Ура, затем из Киша и Уммы.

Лугалькингенешдуду был доволен: в Ниппуре его имя теперь записывали с обоими достоинствами, а в Уруке молодые писцы уже брали новую формулу с готовой копии и переносили ее в письма без дополнительных объяснений.

Однажды Лугалькисальси принес отцу учебную табличку, где среди достоинств прежних правителей учитель велел написать и нынешнюю форму. В одном месте мальчик оставил между знаками слишком широкий промежуток. Лугалькингенешдуду показал его пальцем и велел переписать строку. Сын разгладил глину и начал заново.

Последним пришел ответ из Гирсу. Он касался двух поселений, пользовавшихся одним отводом канала, и предлагал прислать людей для совместного осмотра. В обращении писец Энметены написал: «Лугалькингенешдуду, энси Урука». Лугалькингенешдуду задержался на титуле. В Уруке при его имени уже ставили царское достоинство; писцы Энметены называли его так, как в Лагаше называли правителя города. Он перечитал обращение и оставил его без исправления. Дальше упоминались вода, сроки осмотра и прежние соглашения.

Через несколько месяцев новая титулатура уже перестала привлекать его внимание. Письма приходили и уходили, посвящения копировались, формула оставалась одинаковой. Энство и царственность всегда упоминались рядом при одном имени, а писцы других городов повторяли формулу без пояснений.

Тогда старый жрец Эанны попросил копию ниппурского посвящения для храмового архива. Первую запись слов свидетеля в Эанне уже хранили, теперь ему требовалась именно та форма, которая вошла в употребление. Копию нашли в корзине исходящих посвящений. Старик прочел ее, велел снять копию на новой табличке и унес в архив.

На другой день Лугалькингенешдуду проходил через ту комнату по хозяйственному делу. Новая копия лежала в корзине с храмовыми формулами, связанными с царскими именами. Он поправил соседнюю табличку, стоявшую боком, проверил ярлык на корзине и пошел дальше.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.